

УДК 71.2:81.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2015-4-153-157

Якушкина Н.М.*Московский государственный областной университет***ДНЕВНИК И.И. КОЗЛОВА: СОКРОВЕННАЯ ЖИЗНЬ СЕРДЦА
И ТРАГЕДИЙНЫЙ ЛИРИЗМ ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

Аннотация: Дневник И.И. Козлова – уникальный феномен быта и бытия человека пушкинской эпохи. Он явился зеркалом психологии и духовных ориентиров поэта, отразил устройство русской жизни той поры. Проникновенная рефлексия опыта участия в Церковных Таинствах, чтения Евангелия, своего духовного и душевного состояния, встречи с современниками придают жанру дневника исповедально-лирический пафос. В дневнике запечатлён круг чтения поэта, зачастую определяемый общением с В.А. Жуковский, который помогал своему другу поддерживать связи с внешним миром.

Ключевые слова: дневник, исповедь, Церковные Таинства, Евангелие, круг чтения, лиризм повседневности.

N. Yakushkina*Moscow State Regional University***I. KOZLOV'S DIARY: SACRED HEART AND LIFE TRAGEDY LYRICISM
OF EVERYDAY LIFE**

Abstract. I. Kozlov's diary is a unique phenomenon of everyday life and human being in Pushkin era. It was a mirror of psychology and spiritual orientation of the poet that reflected the state of Russian life of that time. Heartfelt reflection of the experience of participation in the Sacraments, the Gospel reading, his spiritual and emotional state, meetings with contemporaries give genre the diary-lyrical pathos. The diary captured the poet's reading, often defined by communication with V. Zhukovsky, who helped his friend to keep in touch with the outside world.

Keywords: diary, confession, Church Sacrament, Gospel, reading, lyricism of everyday life.

Жанр дневника в русской культуре XIX века играл роль исключительную. И дело не только в моде на «ведение дневника», которая пришла в Россию из европейских стран в конце XVIII века, сколько в очень «удобной» и «свободной» для каждого автора форме: в дневнике можно описать всё, о чём думаешь, мечтаешь, переживаешь. Так и сложилось, что для одних днев-

ник явился формой передачи мыслей и чувств, для других – изложением общественных и политических взглядов («Четырнадцатое декабря» И.Д. Якушкина); для третьих он стал приобретать художественную ценность («Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя) [3].

Для И.И. Козлова дневник занял срединное положение между реальной жизнью и художественным произведением; стал своего рода «мостиком»

между обычной жизнью и художественной реальностью.

Первые дошедшие до нас дневниковые записи поэта датируются 1818 г. – годом, когда И.И. Козлов лишился возможности передвигаться самостоятельно. Неизвестно, вёл ли он до этого времени дневниковые записи, но создаётся впечатление, что, как только его постигло несчастье, прошлая жизнь осталась за какой-то невидимой чертой. Необходимо было учиться жить заново. Поэта охватывает волна новых чувств, мыслей, переживаний, которая усиливается спустя несколько лет, когда И.И. Козлов полностью теряет зрение. Он остаётся один на один со своей болью, и не столько физической, сколько душевной. В одно мгновение забыть о прежнем образе жизни, лишиться радости прежнего общения с родными и близкими, расстаться с привычным родом деятельности да и просто в полноте чувств воспринимать окружающий мир – вот что стало жизнью и предметом художественного переосмысления И.И. Козлова. В сложившихся обстоятельствах необходимо было принять новый образ жизни: понять волю Творца, не дать возможности болезни и унынию захватить его сердце. И.И. Козлов ищет утешение в молитве к Богу, в теплоте семейного круга, в общении с друзьями, которых он безмерно любит и ценит, и, конечно же, в поэзии. И первым шагом на пути духовного исцеления становится ведение дневника, который со временем превращается в ежедневного «собеседника» поэта с Богом, со своим разумом и сердцем. По словам Я.К. Грота (1812–1893), дневник И.И. Козлова «имеет характер то детальных, то кратких записей о времяпрепровождении, со-

бытиях дня, вообще домашней жизни поэта, которая протекала в однообразных и тягостных условиях его болезненного состояния и вечной ночи, его окружавшей. Это – краткая хроника его интимной, семейной жизни, и вместе верное отражение жизни и движений его души и сердца» [2, с. 1].

Здесь мы можем встретить описание того, как проходило лечение «слепого музыканта» русской литературы»; какие средства он предпринимал, чтобы бороться с невероятной болью и страданием. Но поэт никогда не жалуется на жизнь, он позволяет себе только «изливать своё сердце», правда, не скрывая слёз: «Я плакал много – вопреки всем усилиям. – Мне было ужасно грустно...» [2, с. 8].

Особое место в дневнике уделяется духовной составляющей жизни поэта. Интересен тот факт, что дошедшие до нас записи начинаются с заметки, сделанной поэтом 11 апреля 1818 г. в день своего рождения, который выпал на Великий Четверг Страстной седмицы. С волнением и одновременно радостью И.И. Козлов описывает, как был удостоен приобщения Святых Христовых Тайн: «Я не могу выразить то, что я чувствовал когда он приблизился со Св. Причастием ко мне, бедному грешнику. Я прослезился, произнося молитвы, и принял Причастие с горячим чувством...» [2, с. 4]. Удивительно, но в дневнике нет ни одного места, где бы поэт описывал это церковное Таинство с меньшим восторгом и умилением.

Подробнейшим образом И.И. Козлов в дневнике передаёт те мысли, которые возникали у него во время церковных служб, бесед с духовником, чтения Святого Евангелия. Интересно проследить, какие отрывки Священ-

ного Писания производят на поэта особенное впечатление. Часто притча о расслабленном укрепляла его душевные силы и давала надежду на скорейшее выздоровление: «О, Господь мой, я умоляю Тебя пламенно, и с горячей верой осмеливаюсь надеяться, что Ты меня исцелишь и сделаешь счастливым с моей женой и детьми...» (от 5 мая 1818 г.) [2, с. 5]. Молитвой и верой в исцеление проникнуты все дневниковые записи почти с первых дней болезни и до последних лет жизни.

Значительное место в дневнике уделено тем, кто часто навещал «слепого музыканта». Следует отметить, что это были далеко не визиты сострадания, как можно предположить в ситуации с физически больным человеком. Многие известные литературные салоны из-за трагедии, случившейся с И.И. Козловым, потеряли прекрасного танцора, умного собеседника, удивительного ценителя музыки и литературы того времени. Поэт лишился общества, но общество не могло позволить себе лишиться И.И. Козлова. Именно поэтому с 1818 года и до последних дней в его доме всегда были гости. В общении с ним нуждались литераторы и музыканты, актёры и государственные деятели, заезжие иностранцы и участники восстания на Сенатской площади 1825 г. Каждому И.И. Козлов уделяет внимание и свойственное ему дружелюбие, сердечное тепло и участие. Каждый визит сопровождается в его дневнике не только записью, но и комментарием.

Безусловно, наиболее часто встречающейся фамилией на страницах дневника была фамилия «Жуковский». В.А. Жуковский был близким другом и литературным наставником И.И. Коз-

лова. Их знакомство состоялось в 1808 году, когда В.А. Жуковский переехал в Москву для редактирования «Вестника Европы». Что могло объединить тогда обычного чиновника департамента государственных имуществ и уже известного и читаемого всей Россией поэта? Исследователь жизни и творчества И.И. Козлова И.Д. Гликман писал: «Он сразу заметил Козлова и оценил в нём, по-видимому, литературные интересы и образованность, а не искусство бального танцора, о котором так охотно говорят многие исследователи» [5, с. 9]. Я.К. Грот отмечает: «С В.А. Жуковским Козлов, как известно, был в самой нежной дружбе, которая основывалась не только на взаимной симпатии характеров и сходстве душевного склада, но и на общности вкусов и поэтического настроения, в единомыслии в главных вопросах жизни» [2, с. 7]. Оба поэта могли часами проводить за чтением своих и чужих произведений, беседой о литературе и искусстве. Сам Козлов в дневнике признавался: «Мы долгие часы оставались вдвоем с Жуковским – никогда его нерушимая дружба своею нежностью не доставляла мне такой святой радости. Он читал мне перевод из Lamennais, – я ему прочёл мой сонет...» [2, с. 30].

Жуковский действительно часто бывал в доме Козлова, что можно проследить по дневниковым записям последнего. В сохранившемся фрагменте личного журнала поэта за 1819 год мы увидим, что первый комментарий датируется 14 января и посвящён другу Жуковскому, который «принёс свои сочинения; обедал с нами» (запись от 14 января 1819 г.) [2, с. 6]. В записи от 4 февраля этого года мы снова узнаём о визите Жуковского: «Пришёл Жуков-

ский: мы беседовали чрезвычайно интересно – я был взволнован...» [2, с. 7]. В комментарии от 6 февраля: «Чудные стансы Жуковского к почившей В.К. Екатерине Павловне» [2, с. 7]. В записи от 11 марта: «Читал с Жуковским «Гяура» [2, с. 7]. И такую картину мы можем наблюдать на протяжении всего дневника...Если вдруг у Жуковского не было возможности приехать по причине отъезда или ещё какого-либо обстоятельства, он спешил отправить Козлову посылочку: «Жуковский мне прислал (из Павловска) «Мазепу»...» [2, с. 7].

Но В.А. Жуковский не только наносил дружеские визиты и вёл беседы литературного характера. Понимая не самое хорошее положение дел «слепого музыканта», он старался помочь другу. Благодаря ему Императрица увидела и оценила посвящённый ей перевод И.И. Козлова из «Абидосской невесты» (1826). Она жалуется поэту перстень, который Жуковский спешит передать автору. Об этом факте мы также узнаём из дневника И.И. Козлова (в записи от 24 сентября 1819 г.) [2, с. 9].

В.А. Жуковский был рядом с И.И. Козловым, когда он испытывал страшные мучительные физические боли, когда он страдал от отчаяния и ужасной меланхолии. Но вместе были прожиты не только горькие минуты, но и радостные периоды жизни. Счастливые мгновения испытывал поэт тихими вечерами в семейном кругу, которые не могли обойтись без его близкого друга. И все эти «вечера», «встречи», «визиты» анализировались потом Козловым на страницах его дневника: «Мой сын и дочь читали мне Евангелие. Затем Жуковский читал мне стихи, оставался очень долго –

беседовал с моей женой. Я читал свою «Молитву». Это был один из прелестнейших вечеров в моей жизни, – такой приятный и интересный! Весь этот чудесный праздник был так счастлив для меня» (запись от 25 декабря 1839 г.) [2, с. 30]. Только по одной этой цитате можно судить, что составляло счастье «слепого музыканта». Чувствовать присутствие Творца и верить в Его всемогущую силу, быть рядом с дорогими его сердцу людьми и чувствовать, что его поэзия нужна кому-то в этом мире.

Поразительно, с какой сердечностью сделана каждая дневниковая запись И.И. Козлова. Он не скрывает своих чувств, не прячет за маской светскости, а искренне, как ребёнок, изливает их на бумагу! Такая откровенность может быть не всем понятной: «Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы» (Св. Евангелие от Луки 8: 17) [4]. Но поэт и с самим собой, и с ближними своими, и с Богом хочет быть честным и искренним. Ведь именно за искренность ценили его близкие и друзья. Такую искренность, чистосердечную теплоту и доброту, которые сложно было встретить в обществе того времени. Именно это с огромной силой притягивало в дом Козлова и к нему самому.

Дневник поэта вобрал в себя не только печаль о постигшем его несчастье, не только мечты о скорейшем выздоровлении. Он стал формой диалога с Богом, со своей душой. Дневник повёл его по пути, позволившему не замкнуться в себе, не остаться один на один со своим несчастьем, а обрести смысл в постоянном общении с Творцом, со своей семьей, друзьями, ли-

тераторами, музыкантами, актёрами, танцорами, критиками, государственными деятелями, путешественниками. Поэту просто необходимо было постоянно делиться своими мыслями, переживаниями, чувствами – возможность живого общения помогла ему избежать губельного отчаяния. Несмотря на то, что дом И.И. Козлова (как видно из его дневника) почти никогда не был пустым, поэт всё же чувствовал себя чрезвычайно одиноким. Очень немногим удавалось понять печаль страдальца, нуждающегося не в сострадании, как казалось некоторым современникам, но в постоянном общении, в ощущении, что он, потеряв зрение и возможность ходить, не утратил своего места в сердцах людей. А это значит только одно – надо верить, надо писать, надо снова и снова учиться жить и не просто жить, а жить радостно, как и учит Христос.

Дневник прекрасно отражает повседневную жизнь И.И. Козлова, являвшуюся той почвой, из которой вырастали его художественные творения. Он помогает понять личность самого поэта и его мировоззрение; выявить круг общения, определить духовные ценности, ориентиры и основу его художественных образов.

В дневнике запечатлелось «соборное устройство» души И.И. Козлова, которую отмечали у русских поэтов XIX века Т.А. Алпатов, И.А. Киселёва и другие исследователи [1]. Чувство духовного единства с близкими друзьями являлось одним из центральных мотивов исповедальных записей страдающего «слепого музыканта» русской литературы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алпатов Т.А., Киселёва И.А. Человек – идеал – общество: проблемы аксиологии литературы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. № 2. С. 136-141
2. Грот К.Я. Дневник И.И. Козлова. С-Петербург.: Типография М. Стасюлевича, 1906. 33 с.
3. Боброва О.Б. История жанра дневника [Электронный ресурс]. URL: <https://bobrova.shagym.ru/assets/files/publikaczii/Istoriya/20janra%20dnevnik.doc> (дата обращения: 14.07.2015 г.)
4. Евангелие от Луки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibleonline.ru/bible/rus/42/08/#17> (дата обращения: 22.07.2015 г.)
5. Козлов И.И. Полное собрание стихотворений; вступ. ст., подготовка текста и прим. И.Д. Гликмана. Л.: Сов. писатель, 1960. 507 с.